

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ПЕСКОВ

На экране фильмы-притчи «Женщина и четверо ее мужчин», «Затерянные в песках», «Искатель приключений»

ВОДЕЮ случая на трех разных республиканских киностудиях почти одновременно были сняты картины, которые могли бы составить увлекательный экранный триптих, покажи их вместе, одну за другой. Все они, внешне простые и непритязательные, реалистически конкретные, толкуют о нравственно-философских проблемах бытия человека и тяготеют к жанру притчи. Все три сняты по мотивам литературных произведений и, однако, истинно кинематографичны. Все обращены к единой исторической эпохе — к началу XX века, электронного, атомного, массового, урбанистического. Но, словно бы в противовес привычному, авторы всех трех фильмов поставили героев лицом к лицу с землей, словно бы вопрошая: что же ты стоишь здесь, человек? Они перенесли действие в «малые миры», в затерянные и замкнутые уголки природы, в так называемые «малые сообщества» — недаром в кадре почти всегда не более пяти персонажей. Повторю, что авторы никак не думали о подобном контексте, и совпадения непреднамеренны. Но, как известно, случайность может говорить о закономерности. Так, кажется, и в данном случае.

Наш воображаемый цикл-показ хорошо было бы начать литовской картиной «Женщина и четверо ее мужчин» режиссера Альгимантаса Пуйпы (он же сценарист). Хотя сюжет навеян новеллой датского писателя-классика Хольгера Дракмана, события, быт, обстановка столь органичны для национального литовского характера, для места и времени действия, что вовсе не видно «швов» экранизации. Перед нами Куршская коса, чудо природы, полоса белопесчаных дюн у Балтийского побережья. Место, чарующее туристов, отнюдь не ласково к коренным обитателям в пору, о которой рассказывается с экрана: рубеж столетий, красавица Неринга вместе со своим издревне литовским населением — часть Германии. Нищета, кабала, жестокость стихий. Песчаные бури засыпают усадьбы, целые деревни, море заливают низины, сносит дома, отбирает у семей кормильцев-рыбаков... Режиссер и оператор Ионас Тамошявичюс тонко чувствуют и передают коварство царственных песков с их солнечным сверканием, синевой морской каймы, уютом рыбацких хижин, затерянных в причудливых дюнах. Налетел порыв ветра, и повалились на кладбище узорные кресты, обнажился из могилы под песком череп. Морская живопись на широком экране, симфония дюн и шума воды, рева ветра — не просто «фон» или «среда» — стихии участвуют в сюжете. Его завязывает море, развязка — тайна до поры скрыта сыпучими песками.

Начало фильма тревожно, грозно: волны приближились к берегу мертвое тело, жандарм должен опознать утопленника. При таких обстоятельствах в



рыбачьей усадьбе, где обитают трое мужчин, появляется героиня картины, вдова погибшего. Строгое, нежное и усталое лицо, молодое лицо от улыбки, старинный крестьянский наряд. За исполнение этой роли Юрате Онайте была присвоена приз за лучшую женскую роль на Всесоюзном кинофестивале в Киеве.

У героев нет собственных имен: Женщина, Отец, Старший сын, Младший сын... Жизнь их однообразна и проста: каждодневная борьба за существование. Страшнее суровой природы — неоплаченный долг ростовщику. Подобный идолу, огромный, апоплексичный, сидит в городской конторе немец-банкир. Растут, затягивая петлю вокруг шеи Отца семейства, проценты процентов, едва ли не первобытный строй рыбацкой жизни встречается с хитроумием капитализма: сколько ни выплачивай, долг все пухнет, как и сам банкир. А деньги были взяты на необходимое, на лодку, на починку дома...

В этих условиях, когда, казалось бы, ничего светлого не должно оставаться людям, развертывается перед нами непростая история семьи. Располагает она скорее к вражде, ревности, ненависти. Ведь Женщине, героине картины, придется на протяжении действия еще дважды овдоветь, дважды стать новобрачной и трижды — матерью. Так уж случается. Она, жена Старшего брата, провожает мужа в путь опять за роковыми деньгами в контору, чтобы не дожидаться совсем, выйти замуж за Младшего. И его тоже отнимут волны. Ей доведется встретить из тюрьмы отсыдевшего все за тот же долг Отца и, наконец, узнать, что Старший, кого вокруг считали сбежавшим, был убит бродягой-грабителем на пути из города в дюнах: буря, подняв пески, открыла тело с ножом в груди и с несметным числом серебряных монет в сумке человека, спешившего домой, к родным...

Много примитивно-архаичного видится в этой жизни с ее языческими свадебными танцами на песке, чудными обрядами, заговорами «ловись рыба, ловись», в самой заботе о Роде, о продолжении рода, как бы воплощенной в могучей фигуре главы — Отца, которого играет один из корифеев литовской актерской школы Антанас Шурна. Но взаимоотношения тех, кто живет этой внешне убогой жизнью, основаны на солидарности, благородстве, бескорыстии. Скрытая пружина сюжета — как бы «цепная реакция» любви людей друг к другу. Здесь все полно той самой духовностью, о которой человечеству пришлось так остро затосковать в конце нашего практичного, цивилизованного, комфортабельного века.

Но, разумеется, речь не о том, что «и в рубище почтенна добродетель». Речь о том, что человеческие качества, добрые ли, злые ли, благородство или его отсутствие, духовность или бездуховность не находятся в прямой зависимости от уровня жизни, от жизненных условий, от окружающей среды и прочих внешних обстоятельств. Есть еще какие-то внутренние, в самом человеке лежащие причины. К одним и тем же вещам, понятиям, категориям люди ухитряются относиться по-разному, зачастую — диаметрально противоположно. В современной социологии это называется «установкой».

ВТОРАЯ картина, выбранная нами для обзора цикла, — «Затерянные в песках» (ее поставил на Студии им. Дзержинского режиссер Николай Ильинский) предоставляет нам доказательство, так сказать, «от противного».

Тоже пески, зыбучие, злые. Тоже отторгнутый от большого мира, одинокий очаг, на сей раз где-то в глубине южных степей. И тоже убогое, примитивное существование на мельнице, тонущей в песке, разваливающейся, с черным ослизлым колесом и жалкой струей воды.

Но перед нами развернется история торжествующей корысти и стяжательства, цепная реакция гибели душ.

Начинается с мельника. Его играет Марк Прудкин — еще один шедевр артиста, чудо поискание

неувядаемого таланта. В ярком и сильном рассказе А. Серафимовича старик, пожалуй, только стар, безнадежно стар. Но «формула старости» насыщена на экране множеством нюансов, тонких, акварельных, по-своему симпатичных. Эта ветхая фигура, похожая на высохший одуванчик (в чем только душа держится!), у Прудкина есть существо человеческое, пусть и погруженное в сон воспоминаний о прошлом, но не утратившее ни улыбки, ни интереса к окружающему, ни даже мужского взгляда в сторону здоровой, яркой, красивой девки-батрачки, что таскает на мельницу мешки с зерном. И, наверное, не очень уж виноват старик, возмечтав, чтобы звонкий девкин смех всегда звучал в его логове. Виноват он в другом: посулил девке оставить мельницу в наследство да еще и скоро умереть. То есть, попросту говоря, купил молодую жену.

Потому что, если в старике еще теплится искра доброты, то грубая, наглая девка оказывается лишь олицетворением жадной, животной силы жизни, которая так легко обернется злобой и мстительной ненавистью.

Девку, ставшую Хозяйкой (и в этой кинопритче у главных персонажей нет собственных имен), играет талантливая Людмила Зайцева, актриса



большого обаяния, умеющая запечатлеть в несходных женских портретах чистоту, прелесть и ум. Здесь она, достойная партнерша М. Прудкина, проявила способность безупречного артистического перевоплощения. Последовательно, беспощадно рисует она и физическое старение, и, главное, высыхание, омертвление женской души.

Картина умно снята оператором Суреном Шахбазяном. Natura — наступающие, чернеющие пески, какая-то жестяная олеографическая луна на мрачном небе, шум и шорох, однообразный нудный плеск мельничной воды и странноватые звучания музыки — вся эта выразительная «нервно-душная природа» как бы отражение, проекция души героев. Если там, в «Женщине и четверых ее мужчинах», пластический лейтмотив все-таки натура дневная, красота Неринги, то здесь часто повторяется дальний и длинный план склоненной человеческой фигуры в глубине хаты, словно бы в норе, выхваченной из тьмы тусклым источником света, керосиновой лампой или свечой, — образ разобщенности, мертвящего одиночества.

«Женщина и четверо ее мужчин» — так можно было бы назвать и эту картину о Хозяйке мельницы. Вслед за стариком — красноязыкий, глухой, под стать девке, работник, выгнанный с мельницы ревнивым мужем. А потом — купленный уже самой Хозяйкой помошник, красавец со страдальческим, иконописным лицом. Вензель притчи приводит героиню к тому же, чем начинала покойный старик: обещанная в завещании мельница, а потом страх яда, ненависть, месть, пламя, сжигающее и хату, и мельничное колесо... И, наконец, в самых последних кадрах фильма веселый пареня из переселенцев, который с удивлением и не без испуга смотрит на страшную, черную каргу-ворону, что, грузно опираясь на палку, плетется по зимнему полю...

А ВОТ эстонскую картину «Искатель приключений» Калье Кийска хорошо было бы показать в качестве некоего финала или, лучше, своего рода «постскриптума» к фильмам Пуйпы и Ильинского. Картина оригинальна, необычна по сюжету, полна чисто национального юмора, игры ума, гротеска. И не догадаться, кто же этот веселый и странный человек, перекасти-поле, который умеет включиться, ввинтиться в жизнь какого-либо дома, стать участником этой чужой жизни и вдруг в кульминационный момент развернувшегося, закрутившегося сюжета исчезнуть, подобно духу...

С песней, на велосипеде, в простой парусиновой паре колесит по дорогам зеленой, лесной Эстонии чудной герой, которого играет знаменитый



у себя в республике Тыну Карк. Катятся времена года, сменяются места, мелькают эпизодические персонажи, колоритные лица, которые мастер Кийск и его замечательный оператор Юри Силларт умеют запечатлеть на экране с особой стереоскопичностью, как и родной пейзаж, и натюр-морт.

Секрет раскроется в финале, когда авторы приведут нас вместе с героем опять к Балтийскому морю и прибрежным пескам. Здесь, в дюнах, развертывается последняя любовная история героя, встретившего прекрасную женщину, настоящую подругу. Но тут фильм делает абсолютно неожиданный пируэт. На диком рыбацьем берегу появляется элегантная дама в шляпе и мехах, посланница города.

Это супруга блестящего столичного писателя Томаса Нипернаади, который, как узнаем мы от нее, покинул столичные литературные салоны, комфортабельный дом, письменный стол и пустился в мальчишеское неисправимое бродяжничество.

Калье Кийск и поэт Юхан Вийдинг экранизировали роман Аугуста Гайлита «Томас Нипернаади» — оригинальное произведение эстонской национальной литературы. Написанная в 1920-е годы, книга современно читается с экрана сегодня. Что влечет к земле, «в глубинку», из хутора, на скотные дворы, в рыбацьи хижинки искателя Томаса? Приключения, как сказано в титрах картины? Поиски идеала?

Наверное, более всего вообще жизнь с нескончаемыми сюжетами, с поучительными притчами, которые передает она художнику, вызывая к нравственному чувству и все настоятельно требуя ответственности за выбор судьбы от самого человека, от каждого из нас.

Н. ЗОРКАЯ.

● Кадры из фильмов «Женщина и четверо ее мужчин», «Затерянные в песках», «Искатель приключений».